

КАПИТАНЫ
РУССКОЙ
ФАНТАСТИКИ

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

МАЛЫЕ
БОГИ

ИСТОРИИ О НЕЖИТИ

НОВОЕ, НЕИЗДАННОЕ И ИЗБРАННОЕ

Капитаны русской фантастики

Святослав Логинов

Малые Боги. Истории о нежити

«Феникс»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

Логинов С. В.

Малые Боги. Истории о нежити / С. В. Логинов — «Феникс»,
2023 — (Капитаны русской фантастики)

ISBN 978-5-222-42055-3

Лишь в раз году на землю проливается великое чудо – Мёд жизни, за обладание которым испокон веков ведут борьбу силы Света и Тьмы... Даже если ты Старый Жиж, «нежить неназываемая и незнамо где обитающая», без бабы в хозяйстве тебе ну никак не выжить... На землях, разоренных братоубийственной войной и раздираемых нескончаемыми распрями феодалов, лишь мифический единорог может внезапно стать последней надеждой... Мучимая одиночеством, болотная кикимора решает завести себе подругу – деревенскую девушку... Семаргл, лунный пес, повелитель летних дождей и рос, забытый всеми, коротает век на безжизненной лунной поверхности... В новый авторский сборник «Малые Боги» признанного классика отечественной фантастики Святослава Логинова вошли преимущественно рассказы и повести, ранее не издававшиеся, а также несколько «редкостей» разных лет. Прделки нечистой силы, предания о существах из иной реальности, которая порой оказывается так близка к нашей, – вот центральная тема сборника, который придется по душе всем любителям жанра фэнтези.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

ISBN 978-5-222-42055-3

© Логинов С. В., 2023

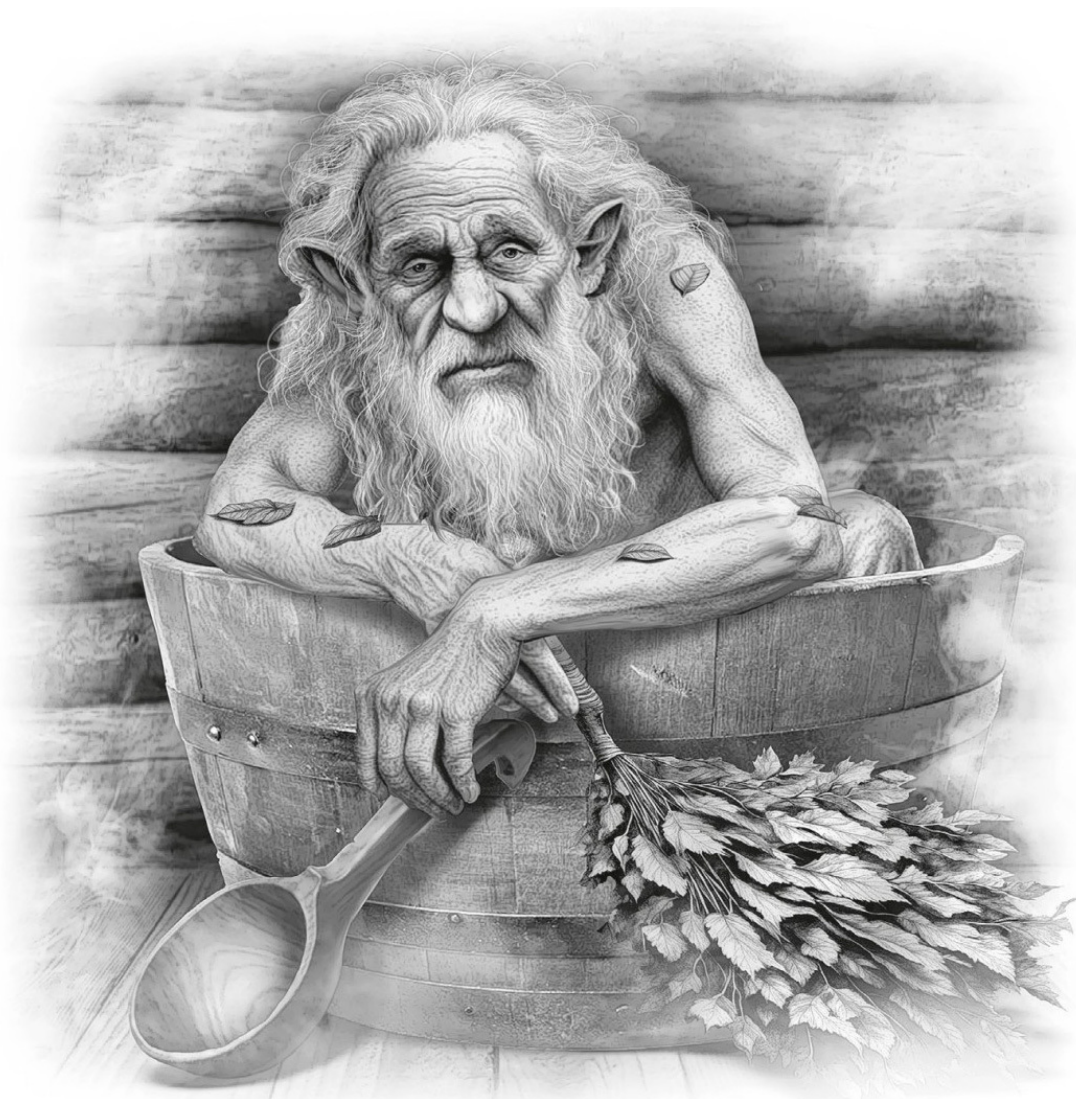
© Феникс, 2023

Содержание

Истории о нежити	7
Змейко	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Святослав Логинов

Малые Боги. Истории о нежити

Истории о нежити

Три тысячи лет назад, когда наши предки были язычниками, они весь мир населяли большими и малыми богами. Велес, Мокошь, Перун считались великими богами, а домовые, лешие, кикиморы были богами малыми, с которыми человек воевал или мирно соседствовал. С приходом христианства великие боги изныли и практически исчезли, а боги малые сохранились, но новая вера разжаловала их из богов в нежить и нечисть. Но тем не менее они продолжают жить в народной памяти, в фольклоре, быличках и страшилках. И разумеется, они освоили фэнтези.

В сборник «Малые боги» включены рассказы, короткие повести и миниатюры в жанре фэнтези, где действующими лицами являются мифические существа, которых можно отнести к разряду малых богов. Здесь нет царственных особ, придворных магов, магических академий и прочей ерунды, заполонившей околофэнтезийные тома. Зато фантастические существа такого рода незаменимы и практически не встречаются у других авторов.

Малые боги бытуют по соседству с людьми, и потому в каждом рассказе непременно присутствуют обычные люди, лишенные какого-либо колдовства. А малые боги недаром называются малыми, и потому, наверное, в этом сборнике много микрорассказов. «Щекотун», «Умолот», «Не ко двору», «Угомон», «Заруча» – каждый из описанных здесь представителей нежити существует сам по себе, и о каждом можно написать рассказ в полторы странички, что я и делаю с огромным удовольствием. А вам желаю читать с таким же удовольствием, с каким я писал эти рассказы.

Змейко

*К настоящему времени россыпи эти полностью выработаны и промышленной ценности не представляют.
Горный справочник*

Бабушка Ненила хорошо говорила сказки. Во внуках да правнуках у нее вся деревня была, так соберется мальчишня целой артелью и пристанет как репей: расскажи да расскажи. А бабке что, для родной крови не жалко, она и примется рассказывать...

С прежних времен ведомо, что под нашей горой есть пустое место. И было некогда там подгорное царство. Горные люди жили, гномы. По всей округе об их мастерстве слава гремела. Железо варили, медь плавил, по золоту тоже старались. Но всего больше занимались цветными камушками. Ежели родиться где самоцвету, так гномы о том за полгода знают и ждут. Дешевым металлом торговали, железный товар, медь, чушки свинцовые, лягушачью платину на базар возили, на хлеб да пиво меняли. А чтобы золото, серебро или, не приведи господь, камушки на продажу поставить – такого у них не водилось. Все себе оставляли. Богатства собрали несметные, несказанные и неоглядные.

Только раз объявились над горой враги: огненный змей с братьями. Стену прожгли, гномов кого побили, кого прочь погнали и стали сами в горном городе жить.

Гномам то за обиду показалось. Вооружились они кто чем попадая и пошли супостата воевать. Год воюют, два воюют, народу положили уйму, а победы не видно. И остался у них от всего мира один захудалый гноменок. Его прежде по малолетству на войну не брали, вот он и уцелел. А теперь никого родных не осталось, сам большой, сам маленький... Собрался последний гном, нашел себе какой ни есть мечишко и пошел за отчий дом сражаться. Приходит к горе и видит: и братья, и дядья все лежат побитые, никого в живых нет. А рядом змеи лежат, секирами порубленные, ни одна не дышит.

Стал гном врага на битву звать. И выползает ему навстречу захудалый змееныш, весь из себя полтора вершка. Один остался на все змеиное племя. Удивился гном:

– Как же я тебя убивать буду, такого малого? Уползай-ка ты отсюда подобру-поздорову.

– Нет, – отвечает змееныш, – я тут родился и никуда отсюда не уйду. Здесь мой дом.

– А и что тебе в этом доме делать?

– В своем доме да дела не найти? Вишь, сколько тут богатств набрано-скоплено? Все прибрать нужно, каждая золотиночка пригляда просит. Разложу все как есть по местам, лягу посередине большой залы и буду радоваться на такую-то красоту.

– А ты подумал, – говорит худой гноменыш, – что богатства набраны-скоплены, да не тобой? Их мои прадеды и пращуры добывали, собирали и по местам раскладывали, а твои змеи все пограбили да поотняли, а хозяев огнем пожгли и смертью поубивали. Только не бывать такой неправде ни на земле, ни под землей, ни на светлых небесах. Уползай отсель, пока живой есть, а не то давай биться не на жизнь, а на смерть.

– А ответ ты мне, – говорит заморный змееныш, – что ты делать станешь в столь огромном доме, коли подвезет тебе меня поратить до смерти?

– В своем доме да дела не найти? Все прибрать нужно, покладать покрасивее, кладовать понадежнее. А как все ухичу, сяду посередине большой залы и стану радоваться душой на такую красоту несказанную.

– Так ведь и я не на базар поташу, – говорит малый змейко. – Зачем тебе меня мечом рубить, для чего мне тебя ядом язвить, когда мы одного хотим, чтобы вся подгорная краса цела оставалась и душу радовала? Давай вместе в большом зале быть, вдвоем на камень любоваться, дружно золото беречь. А что отцы наши, дядья и деды поубивали друг друга из-за той

казны, так нашей вины в том нету. Коли и мы друг друга поубиваем, то тогда и краса ненужно погаснет, и казна обесценится.

Подумал гномыш да и согласился. С тех пор в пустом месте под горой два хозяина живут, в четыре глаза за порядком смотрят. Там у них под горой самое место богатящее: и яхонт, и лал, и хрупик, и тяжеловес, и аматист, который любовники носят, и желтый белир, и всякий иной поделный камень. Лежит, а в руки не дается. Место богатящее, а не добычливо. Железной руды покопать или медной – это можно, хотя и тут добыча невелика. А золота или камньев не взять, хотя все приметинки как на ладони лежат. Есть в горе всякого богатства, да хозяева брать не велят. Так и зовут нашу гору Пустой – то ли оттого, что место под ней пустое, где подземный город стоял, то ли оттого, что всякий старатель отсюда пустым уходит...

– Дядя Матвей, поди, пустым не уйдет, – поперечил бойкий правнучонок.

– Может, и не уйдет, – бабушка Ненила на все была согласная. – Матвейка мне тоже сродственником доводится. Глаз у него верный, рука легкая. Бают, что он раз в городе напротив губернаторских палат самоцветную друзу сыскал. Дорогу там мозаичным камнем стелили. Свои таким грубым делом не промышляют, а иногородние в отхожий промысел нанимаются. Камень отесывают да на дорогу укладывают. Тоже мозаикой кличут, хотя камень там не цветное, а самый бросовый плитняк. Вот Матвейка-то мимо шел да и углядел нужный камень.

– А что, – грит, – работнички, почем этот булыжник продадите?

– Бери, когда нужда есть, – отвечают мужики. – Мы его тебе за так подарим.

– За так не могу. Нынче Даришь уехал в Париж, а заместо приехал его братец Купишь.

– Ну, когда ты гордый, – смеются мужики, – то гони целковый рупь.

А камень булыжный, ежели кто не знает, четыре копейки за пуд стоит.

Однако Матвейка и глазом не моргнул.

– Сколько прошено, столько, – грит, – и плачено. И не говорите потом, будто я цену сбивал или задаром чужой камень схватил.

Отсчитал Матвей за булыжник цельный рубль, из рук в руки. А потом взял кайлушку, ткнул легохонько – и открыл друзу самоцветных сапфиров. И цена ей была семьсот рублей. Мозаичники потом чуть не весь булыжный товар переколотили, искали вторую такую же диковину. Не нашли.

Было такое, не было – бог весть. Вернее, что не было. Это ж дураком надо быть, чтобы щепеночной киркой друзу рушить, да еще на глазах у чужих людей. Однако ж сказка живет, потому что Матвей, бабки Ненилы внучатый племяш, и впрямь мастером был редкостным, какие раз в тыщу лет рождаются, а потом тыщу лет помнятся.

Матвейка с малолетства был к камню приставлен, а вот не давалось ему рукомесло, да и только. Шлиф навести, душу камня показать – это мог, а чтобы вещицу какую сработать – такое не получалось.

– Что его зря резать да гранить, ежели он и без того хорош?

Зато старателем Матвейка был знатным, в цветнокаменном промысле равного не было. Не только россыпи и скарны, но и всякий занорыш ему как на ладони были. Носом, что ли, чуял каменное сырье? Ежели где речушка мелкая да с перекатами протекает, так то Матвейке в особую радость. На таких речках старатели завсегда промышляют, золотишко в лотках моют, цветные камушки. А Матвей вечерами, в шурфе намаившись, на речку развеяться ходил. И не бывало, чтобы пустым с прогулки возвращался. Солнце начнет к земле западать, на ряби речной бликами заиграет... самая краса вечерняя в ту пору настает. Галечки на речных, многожды промытых россыпях все до одной чудятся самоцветами. Всякая слюдинка бриллиантом сияет, любая шпатинка алмазной гранью посверкивает. Ну, и вода рябит... где в таком сиянии что рассмотреть? А Матвейка глядит с прищуром – да вдруг шагнет в воду и поднимет со дна что-то невидимое прочим.

Ежели спросить, что нашел, то плечами пожимает: «Так, обломочек занятный», – а находки из кармана не вытаскивает. Значит, и про сапфировую дружину люди врут: найти, может, и нашел, но при стороннем глазе не хвастался.

На продажу, впрочем, с некоторых пор дорогие камни Матвей выносить перестал. Искряком торговал, баусом, мелкой перелифтью, ясписом, из которого пуговицы режут. А чтобы понастоящему дорогой камень, о том только вспоминалось.

– Оскудела земля цветными камнями, – вздыхал Матвей перед заезжими купцами. – Прежде, бывало, темно-синий агустит прямо на земле валялся, желтый ягут, а по-городскому – топаз, за бесценок шел. А ныне архиерейский камень аматист кое-где, может, и остался, а стоящего товара нет. Или хоть малахит взять. В прежние годы, бают, бирюзовый королек тысячами пудов копали, а сегодня и плисовому рады.

Что за диво? У других старателей хоть изредка яхонты попадаются, а у самого удачливого и знаменитого только суровик и дымчатый смоляк.

И пошли промеж торговцев пересуды, будто есть у Матвейки заветная укладка, где лежат непроданные камешки, те, с которыми душа расстаться не может. И чем дальше, тем реже камни на торги идут, чаще в сундук попадают. Сплетне веры нет, а слушаешь. А о той Матвейкиной укладке вся ярмарка слыхала.

А Матвей и впрямь прикипел сердцем к находкам и расстаться с ними никак не мог. И укладка заветная у него прямо под полатами стояла, рядом с той, что на продажу. Камней там было что в царевой сокровищнице, и все сырые, как в земле лежали, ни к одному гранильщик не прикасался. А поверх всего хранился редкостный кунштик, игра природы – не то золотые самородочки, вросшие в хрустальный камень, не то кусочек хрусталя с семью вросшими золотинками. Особого чуда в том нет – матерое золото завсегда с кварцем срастается, так их из шахты вместе и поднимают. Но тут исхитрилась мать-земля и впрямь родила диковину: хрусталец ни дать ни взять малая змеюшка длиной чуть поболее вершка. И головка тупенькая видна, и хвостик, и даже глазки закрытые обозначены. А золотинки чешуйками выложены вдоль хребта. Золота в змейке кот наплакал, да и хрусталь, когда он не строганец, а без грани, – камень бросовый, дешевле червеца, но все вместе – диво небывалое.

Змейку Матвей в речке поднял неподалеку от Пустой горы и даже помыслить не мог, чтобы отдать диковину в чужие руки. Вечерами вытаскивал игрушку на свет, ласкал в ладонях и только что не разговаривал.

В самую зиму на Спиридона-Солнцеворота прикатил к Матвееву дому купец. По всему видать, богатый – чрево толсто, харя красна, шуба волчья, шапка боброва. У коня под дугой колокольцы, хотя честным людям с колокольчиком ездить не указано: разрешен колокольчик только чиновнику, едущему по казенному делу. А вот ямщик у купца подкачал: такая каторжная морда, что не приведи случай ночью повстречаться. Впрочем, то не Матвею решать, с кем купцу ездить. Личина обманчива, иной глядит варнаком, а душа у него голубиная.

Гости вошли, поздоровались честь честью, на образа покрестились. Двуствольное ружье ямщик у печи поставил. Без ружья в зиму ездить опасно, волки живо посчитаются за снятые шубы.

– Камушками интересуемся, – без обиняков сказал купчина. – На торгах о твоих камнях слава идет.

– Так на торгах бы и покупал, – резонно попенял Матвей. – Я людей не прячусь, а так вот на ночь глядя приезжать не след. Из старателей никто самоцветов дома не держит, зачем зря лихой глаз привлекать?

– Так ведь есть, поди, пуговичный товар, – настаивал гость.

– Пуговичный товар, может, и есть, только что ж за ним в такую даль переться? Ширлу или таусиный камень всюду задешево купить можно.

– Раз уж приехали, покажи, будь ласков.

Матвей вздохнул, под полати залез, достал малый сундучок, а из него тряпицы с находками. Отдельно искряк, отдельно полосатый ногат, который городские ониксом зовут. Купец камушки перебирал, побряхтывал. И видно, что нравится, да торговая спесь хвалить не купленное не велит. Потом нашел, к чему придраться:

– Что ж они у тебя не парные? Для сережек парные нужны, да и для пуговиц не мешало бы.

– Парные из одного куска резать нужно, а тут галечки собраны. Это для печаток и висюлек. Вот ежиный камень, а по-иному – стрелы Амура. Так вот сердечко вырезать, чтобы стрелка его насквозь пронзала, и носить такой кулон на груди, ежели хочешь знак подать о сердечной склонности. Камень – он не простой, им что хошь сказать можно.

– Так-то оно так, и камушек хорош, спору нет, только на сердечки из волосатика мода давным-давно прошла. А значит, и цена упала.

– Я насильно не всучиваю, не любо – не покупай.

Слово за слово Метвейка с купцом в азарт вошли. С человеком понимающим и торговаться приятно. Снова Матвей в торговый сундучок полез, достал настоящий товар: бечеты голубиной крови, бирюзовый баус и даже кристаллик венысы, что в девичьи перстеньки вставляют. И недорого, да сердцу мило.

Купец вроде и хвалил, а вроде как и хаял. С пониманием торговался. Лучшие камешки отложил на платок; те, что с изъяном, в сторону отодвинул.

– Мне бы настоящего самоцвета.

– Самоцвета, говоришь? Сегодня так всякий цветной камушек обзывают, а в старые годы самоцветом только бриллиант называли да еще малиновый шерл самой чистой воды.

– Вот их бы я и хотел. А то, скажем, яхонта у тебя не водится? Или еще – желтый берилл?

– Заберзат, что ли? Так это камень редкий, и цена ему огромная. Прежде, бывало, попадались и заберзаты, и яхонты, и иакинфы, даже алмазы встречались, а теперь оскудела земля цветным камением, все подчистую выбрано.

– А ты поищи, может, и сыщется в какой ухоронке... – сказал купец со значением.

Матвей поднял голову и увидел, что в лоб ему в два дула смотрит ружье.

– Поищи хорошенько, – повторил купец-разбойник.

– Зря ты это делаешь, ваше степенство, – сказал Матвей. – Тебе ж после такого ни на одной ярмарке показаться нельзя будет. Хищнику в жизни счастья не бывает.

– Были бы деньги, а счастье купим, – приговаривал купчина, споро нацепляя Матвею наручные кандалы с модным замочком. – Ну так где у тебя настоящие камни хранятся?

– Нет у меня ничего. Что было на продажу, все показал.

– А теперь непродажные покажь.

Чернобородый каторжник молча опустил ружье, вытащил ножик, попытал остроту на пальце и сунул нож в печку острием на дотлевающие угли.

– погоди, Родька, – сказал купец, – может, еще по-хорошему договоримся... Ты думай, покамест ножик греется, – оборотился он к Матвею, – а мы тем временем сами посмотрим, что у тебя где лежит. Думаешь, не знаю, где искать? Добрые люди денежки завсегда у бога за спиной хранят.

Купчина подошел к красному углу, скинул иконы, но не нашел за ними ничего, кроме пыльной паутины.

– В подполе надо искать, – изронил слово ямщик. – Это же камни, им от земли ни хрена не сделается. Я знаю, в подполе закопаны.

– Ни черта ты, Родька, не знаешь. Раз он самоцветы на продажу и за хорошую цену не ставит – значит, не жадность его придушила, а сами камушки. Мне знающие люди рассказывали, что случается такое с мастерами и старателями, когда не могут они камень из рук выпустить.

Самоцветная болезнь называется. Горные гномы этой хворью страдали, и у людей она приключается. Туточки они, рядом лежат, чтобы всякую минуту достать можно было, полюбоваться.

Купчина оглядел комнату, подошел к полатам, кряхтя нагнулся и выволок на свет заветный сундучок.

– А вот и он! Ишь, какой тяжелый...

Матвей сидел как неживой. Жизнь рушилась одноминутно, и неважно, зарежут его грабители прямо сейчас или, обобрав, отпустят, словно стриженного барана, нагуливать новую шерсть. Все одно отнятого не вернуть, нового не нажить, лучше сразу в петлю.

О ключе купец и озабочиваться не стал, сбил малый замочек голой рукой – видать, привычен к разбойному ремеслу, не впервой по чужим укладкам шарит. Без разбору высыпал самоцветы на стол, так что заискрилось в сальном свете, словно в ясный солнечный день.

– Ты глянь, Родька, глянь, дурья башка, что тут для нас припасено! А говорил, земля яхонтами оскудела! – Купец погрузил обе руки в камни, принялся перебирать их, выдергивая то один, то другой, поднося к дрожащему свечному пламени, любуясь игрой неограниченных кристаллов. – Такое богатство за раз продавать нельзя, а то шум пойдет... понемногу сбывать будем. Ишь ты, агустит какой, получше сапфира будет, сапфир перед ним бледненькой... а вот аквамаринчик, адмиральский камень, он победу в морских сражениях приносит. Что ж ты, шут гороховый, такое сокровище прячешь? Хочешь, чтобы флот наш враг потопил? А вот и заберзаты, и гиацинты... а изумруды-то какие, изумруды!.. и сколько!.. Я и ценить их боюсь, такие изумруды только в царскую корону.

Родька отставил ружье, подошел, тоже поворошил камни толстым пальцем.

– Это аматист, что ли?

– Не понимаешь ты ничего. Это дамский камень александрит. При солнце он изумрудом смотрится, а при свечах – аметистом. А вот «голова мавра» – двуцветный турмалин. Дорогущая вещь, ее одной про все наши заботы хватило бы. А мужик и впрямь дурной. Продал бы хоть десяток этих вот камней, палаты бы поставил двурядные, забор трехаршинный, собак цепных завел, сторожа-татарина – так мы с тобой к его дому и за версту подойти побоялись бы.

– Все одно влезли бы... – не согласился ямщик. – Я бы влез.

– Ты бы нож из огня вынул, что ему зря калиться.

– Пусть. Я его и каленым зарежу.

– А что ж ты, – повернулся главарь к Матвею, – нас о милости не просишь? Глядишь, мы бы и тебя живым оставили, и камушки вернули...

Матвей молчал.

– Гордый, – сообщил Родька, – не хочет нас жалобами потешить. А может, скрывает что. Надо бы его покрепче пощупать.

– Слышишь? – хохотнул купец. – Ножик-то в самую пору разогрелся, а приятеля моего хлебом не корми, дай живого человека примучить. Ну, так скажешь, есть у тебя еще что?

Матвей молчал.

– Сомлел, видать. А ежели не сомлел, то рассуди сам: живым мы тебя все равно не отпустим, нам такой свидетель ни к чему. И дом твой перед уходом подпалим. Если осталась где ухоронка, то камни в пожаре цвет потерять могут. Говорят, иные от сильного жара блекнут, а то и вовсе рассыпаются. Я же знаю, тебе камней жальче, чем себя самого, так что не таись.

Матвей молчал, только губы тряслись.

– Бойтся, – заключил ямщик. – Надо попытать.

– Да оставь ты его, – отмахнулся купец, потеряв к Матвею всякий интерес. – Это он отходить начинает с горя. Нет у него больше ничегошеньки, укладка-то не полна была – значит, в других местах не спрятано. Пушай сам помирает, ежели успеет. Тебе человека зарезать что муху прихлопнуть, а мне лишний грех на душу брать неохота. Давай собираться. Эх, самоцветы с пуговичным товаром помешались! Хотя пусть их: вали кулем, там разберем.

Купец начал горстями сгребать камни обратно в укладку, но вдруг остановился, выудив из кучи хрустального змейку.

– Родя, гляди, какая чудовина!

Ямщик, отошедший было к печи за ножом, вернулся, глянул через плечо.

– Это ж дешевка, – пренебрежительно заметил он. – Простой хрусталь, без грани. Само-родочки выковырять – так и вовсе выбросить можно. Видать, из пуговичного товара завалилась.

– Дураком ты, Родька, родился, дураком и помрешь. Это ж игра природы, цена ей не за материал, а за редкость. В столице, в горном музее, за такое пятьсот рублей отвалят, а то и всю тысячу. Вишь, змеюка какая, горой резана, рекой шлифована, человечья рука к ней не прикасалась, а все как у настоящей: и чешуйки по спине, и пасть змеиная... У, гада ядовитая! – мясистый купеческий палец ткнул каменного змейку в словно нарочно приоткрытую пасть.

На мгновение рубиново блеснули зажмуренные глаза, кварцевые зубы сомкнулись на ука-зующем персте, заставив купчину кричать. Отброшенный змейко со звоном ударился об пол, изогнулся упругой пружиной, готовый вновь напасть.

Купец кричал, тряся обожженной кистью с почернелым пальцем. Чернота расплывалась по руке, стремясь к сердцу. Ошалелые глаза выпучились, лицо посерело, купчина повалился на пол и перестал дышать.

Второй разбойник, злобно хрипя, переводил схваченное ружье с Матвея на змейку, а свободной рукой спешно сгребал самоцветы в сундучок. Это его и сгубило – несподручно стрелять, зажав ружье под мышкой. Змейко безо всякого предупреждения метнулся в воздух и впился ямщику в самое горло, под спутанный клок бороды. Не хуже каленого ножа вонзился... Грабитель повалился, не успев крикнуть. Жаканы из двух стволов ушли в потолок.

Окровавленный змейко выполз на свет, завозился, обтираясь об одежду убитого, потом вполз на колени Матвею, заскреб зубами по кандалному железу. Серые опилки посыпались вниз. Матвей ждал спокойно, словно и не с ним творилось этакое. Страхнул разгрызенные наручники, бесстрашно подставил ладонь кристальному спасителю. Змейко свернулся прежним клубком и замер. Рубиновые глазки закрылись.

Змейку Матвей прибрал за пазуху, к самому сердцу. Не разбирая, ссыпал раскиданные камушки по двум сундучкам, задвинул обратно под полати. Мертвые тела вынес, уложил в сани. Неживой купец смотрел выпученными буркалами, словно напугать хотел. Каторжник щерился окровавленным ртом, даже в смерти не желая смириться.

Матвей впряг коня, которого сам же, встречая дорогих гостей, поставил в пустующем дворе. Хоть и холодно, а все под крышей, и сеном прошлогодним похрустеть можно. Косматый конек храпел, чуя мертвецов, шархался. Тварь невинная... а что делать, ежели и он в разбойном промысле замешан?

В те же сани Матвей кинул разряженное ружье и сквозь вечернюю тьму погнал коня к заброшенным шахтам. Пустая гора хоть и называлась Пустой, но шурфов на ней набито немало. Не могли люди смириться, что гора есть, а копать в ней нечего. Выбирали по разным приметам местечко поудачливее и долбили шахту. Иная на двадцать сажений углублена, а ничего стоящего не нашли.

У одной из земных дыр Матвей остановил коня. Разжег масляную горную лампу, осветил в темный провал, потом одно за другим свалил туда оба тела. Два хряских удара донеслись снизу, и все стихло. Следом Матвей отправил разряженное ружье. Стегнул буланку: беги, бедолага, авось сподобит счастливый случай дойти к людям, минуя волчьих зубы.

Смолк спорый топот и скрип легких санок по рыхлому, но еще не глубокому снегу. Тишина наступила, так что слышно, как кровь в ушах стучит. А в шахте и того тише, беззвучно сочится со стен незамерзающая вода, омывает мертвые тела. Охолоните, гости дорогие, поуспокойтесь... Полежите нетленными мощами. Время пройдет, окремнеет плоть, обратится

дорогим опаловым жиразолем, тогда и вы на дело сгодитесь. А покуда прикрыть надо неотпетую могилу от срама.

Жалея, что рано сбросил в шурф ружье, Матвей вырубил приличную жердину, уперся, собираясь скинуть вниз пару обломков, которыми земля кругом была богато усеяна. Поднатужившись, сдвинул угловатую, необвалянную каменюку и остановился, приглядываясь. Даже сейчас не мог не остановиться, увидав дельное камень. Под бросовым обломком лежал кусок ценной породы – черного гематита. Вообще-то гематит – просто руда железная, его тысячами пудов ломают, но порой встречаются плотные места густо-черного цвета, из которых каменильщики режут всякие поделки – печатки, темные вдовьи бусы, броши, четки и прочую мелочь под цвет траурного наряда. А если такой камень в пыль истереть, то обнаружится в нем густо-красный цвет, за что гематит кличут в народе кровавиком. Невелика ценность, пуговичный товар, но если заметит кто вольно лежащую глыбку, то могут и заброшенную шахту оживить, и тогда первым делом сыщутся купец со своим подельщиком.

До дому такую находку в охапке не донесешь, лошадь с санями в вечернем сумраке сгинула, а возвращаться на худое место на другой день никакой охоты нет. Значит, и кровавику место в кровавой яме. Лишь бы находка не слишком велика оказалась... наружу-то не много торчит: ни дать ни взять шапка, бурлацкий шпилек.

Матвей уперся вагой, гематитовая шапка легко сдернулась с места, и под ней обнаружилось человеческое лицо, тоже резанное из морщинистого камня. Тяжелые веки приподнялись, пронзительные глаза глянули на Матвея. Скриплый голос произнес:

– Здравствуй, Матвей-старатель. С чем пожаловал?

Матвейка свою шапчонку стащил, отбил поклон.

– Прости, хозяин... Не знал я, что ты тут сидишь. Шапку с тебя скинул, дом мертвечиной осквернил...

– Какой это дом, это яма выгребная. Недругам твоим в ней самое место. А дом... пошли, покажу тебе мой дом.

Каменный старичок выбрался из расточкины, сам ростом с аршин и поперек аршин. Борода белая, что прядельный асбест. Полукафтанье мужицкое, а на ногах сапоги; по горам ходить лаптей не напасешься. Вылез и пошел вразвалку, не оборачиваясь, словно знал, что никуда Матвей не побежит. Да и куда бежать старателю от горного хозяина? Захочет – так сыщет, разве что в черносошные мужики податься. Но такая жизнь для старательской души что чистая вода для кабацкой глотки: люди пьют, а у него душа не принимает.

Пришли к тому месту, где голый кряж из земли выпирает. Тут старичок в гору вошел, а Матвей за ним следом. А внизу гора и впрямь пустая, точь-в-точь как бабка Ненила сказывала. Речка Поднырка, что в гору уходит, здесь вольно течет, ветерок гуляет, и только что деревья не цветут. Зато камень самое разное, и все цветное: лунный селенит, мясная яшма, полосатый яспис, розовый орлец, из какого для царского дома вазы готовили.

Пришли в дом. У дома стен нет, – зачем стены, когда под землей сидишь? – а просто вроде горницы. Сверху свет льется жемчужный, а откуда – не понять. Старичок на каменную лавку уселся, Матвею место рядом указал. Матвейка присел с краешку, и вдруг открылась его глазам вся гора сразу, как она изнутри есть. Все богатые залы, все кладовки-занорыши, все скарны и россыпи. Вовсе неведомые тайнички узрел Матвей, и недоступные глубины, и те места, по которым ему промышлять доводилось, откуда, бывало, приносил домой редкостный кристаллик. И от той небывалой земной красоты захватило у Матвея дух, захотелось разом петь и плакать.

– Что скажешь, рудознавец? – спросил гном.

– Стыдно мне, батюшка, – признался Матвей. – Я-то себя собирателем земных богатств полагал, а выходит, жил вроде мыши в чужой кладовой. Та тоже по зернышку из амбара в норку таскает и оттого себя рачительной хозяйкой мнит.

– Ладно, ладно... – остановил Матвея гном. – Я вот об ином с тобой говорить хотел. Мы, гномы, долго на свете живем, а все одно не вечны. Состарился я, помощник мне нужен. А лучше тебя никого нет. И змейко тебя признал, из моих россыпей в твою укладку уполз.

Каменная зверушка завозилась у Матвея за пазухой, выползла на свет, перетекла с Матвеевых колен на плечо горному старичку, ткнула головкой в ладонь.

– Да не обижаюсь я, – успокоил гном встревоженного змейку. – Я же понимаю: ты тоже хотел посмотреть, что за человек наверху объявился, который по нашим кладовым как у себя дома гуляет. И кабы не пришлось старатель тебе по душе, то лежать бы ему сейчас вместе с гостями своими.

– По незнанию я, батюшка, камни к себе тащил... – взмолился было Матвей, а потом глянул вновь с чудесной скамьи на подгорную казну – и разом понял, что делать надлежит.

Гора послушно расступилась перед Матвеем, выпустив его в ночь. В полчаса Матвей к избе поспел, вздул светец, начал собираться. Обе укладки с натасканными камнями в короб устроил, взвалил на спину и поспешил к Пустой горе.

В темноте едва дошел, однако место сыскал безошибочно. Постучал, боясь, что не разомкнется камень, однако пустили и обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.